

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2023.41.43.001

Евразийство как технология концентриальной безопасности России

Лю Цзя

Аспирант,
Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций,
Казанский федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: wwitty@yandex.ru

Аннотация

Объектом исследования являются международные и отечественные отношения, в которых выигрышные условия получают те государства, которые активно задействуют «мягкую силу». Предметом настоящего исследования являются технологии «умной силы» (состоящей из «мягкой» и «жесткой» силы), ведущие к смене идентификации самосознания населения. Анализ «новых» войн показывает, что сегодня не следует стратегию «мягкой силы» использовать только в качестве «оборонительного» целеполагания. Парировать на санкции Запада с объяснениями того, что никогда не делали, – бессмысленно. Наступательный характер политических решений состоит из множества составляющих инженерно-технологических, законодательно-правовых и выработки стратегических факторов. Двухсоставная задача постижения Другого предполагает: во-первых, изучать культуру потенциальных врагов/друзей; во-вторых, сохранять собственную идентичность через укрепление памяти предков и преумножение внутреннего правопорядка. Научная новизна исследования представлена в новой классификации законодательных систем: 1) западная (романо-германская и англосаксонская); 2) восточная (мусульманская и социалистическая правовая система Китая); 3) евразийская. Следование в дискурсе чужих паттернов может означать зависимость от «умной силы» потенциальных противников. Курс государственной политики в «фарватере» матричного ядра евразийского национального самосознания задает установки концентриальной безопасности.

Для цитирования в научных исследованиях

Лю Цзя. Евразийство как технология концентриальной безопасности России // Теории и проблемы политических исследований. 2023. Том 12. № 5А-6А. С. 23-31. DOI: 10.34670/AR.2023.41.43.001

Ключевые слова

Технологии «умной», «мягкой» и «жесткой» силы, концентриальная война/безопасность, идентичность, самосознание, романо-германская, англосаксонская, мусульманская, социалистическая и евразийская правовые системы.

Введение

Актуальность осмысления консциентальной безопасности вызвана двумя обстоятельствами. Во-первых, необходимостью просвещения о идущих нового типа войнах, где стреляют не извне, а изнутри. Большинство людей не поняли, как стали агентами/манкуртами влияния против самих себя. Современное оружие в виде «окон Овертона» (или их аналога «тридцати шести китайских стратагем») перевозит и воодушевляет человека на великие свершения, а дальше медленно в пять шагов приводит к энтропийным целеполаганиям, ведущим к аннигиляции не только конкретную личность, но и все общество.

Во-вторых, (следует из первого тезиса), политика и правосознание находятся под влиянием технологий «мягкой» и «жесткой» силы. «Мягкие» механизмы требуют высокоточных информационных технологий и сакральной интеллектуальной культуры (выдержки, понимания Другого).

Термин *hard power* предлагает технологии юридически жесткого подавления и установления господства над другими этносами через ведение эпидемиологических, продовольственных и гибридных войн с помощью метода «кнута и пряника».

«Жесткая» (внешняя) сила, применяемая в надзоре за человеком, сменилась на технологию «мягкой силы» – «зрелища» [Бауман, 2008, 94] (потребительство) и, в новой парадигме, не изменился характер управления обывателем. Технология *soft power* рассчитана на господство мондиалистов, но использует другие методы: гибкость, эфемерность и соблазнительность, дискурс которых направлен на добровольное подчинение, вызываемое матрицами мыслительных значений и конструированными образами манипуляционных схем, мыслей и чувств. Технология «мягкой силы» [Нуе, 2004] как «средство достижения успеха в мировой политике» ориентирована на создание «имиджа», «лица» или «престижа» с помощью софитных прожекторов медиа.

Методология исследования

Способ решения научной проблемы консциентальной безопасности возможен через нахождение компромисса в консенсусном национальном (общественный Договор) и транс-, межгосударственном дипломатическом диалоге. Суть метода, регулирующего отношения заключена в «самоограничительном самосознании» [Хабермас, 2010, 18]. Но постмодернистское сознание с пострациональным мышлением в настоящее время задает параметры информационного лавирования в потоках внушения смыслов и легитимного доминирования и здесь не обходится без применения «мягкой силы».

Проблема консциентальной безопасности требует демонтажа навязываемых условий существования всем и каждому человеку, а политическая реальность вынуждена лавировать между миротворческими идеями и технологиями, превращающими смыслы в «иллюзию-приманку» [Бодрийяр, 2000, 131].

Стратегия соблазна «мягкой силой» направлена на персонализацию личности, т.е. на отрыв из общества/общины/коммуны, с целью снабжения индивида не экзистенциальными, а консьюмеристскими идеалами. Погружение «психологизированного человека» [Липовецки, 2001, 40] в среду «игры стратегии видимостей» [Бодрийяр, 2000, 36] преобразовывает классическое представление о мироздании в постмодернистское, где возможны понятия «правящее демократическое меньшинство» и «достоинство периферии» [Липовецки, 2001, 46].

Чтобы преодолеть правовой нигилизм следует разобраться в истоках его насаждения и предложить технологию выхода из рецепции западного права. Метод самоидентификации нации заключен в трех актах. Первым делом следует разоблачить скрытую «умную силу», разрушающую энергетические потоки энтелехии нации. Во-вторых, следует обрести знания, способные создавать технологии, обеспечивающие концентриальную безопасность. В-третьих, надо напугать потенциального противника применением нового вида оружия, с возможностью разрушения их государственности.

Метод самоидентификации позволит, с одной стороны, остановить вторжение в мозг российского человека, с другой стороны, даст возможность найти способ духовно-нравственного созревания населения, способного к выработке иммунитета на концентриальные атаки через укрепление автаркийного существования.

Представим две правовые дихотомические традиции Запада (романо-германская; англосаксонская) и Востока (мусульманская; социалистическая правовая система Китая).

Западную систему можно обозначить как спор между тем что «есть» в контексте юридического, социологического и психологического подходов, и тем, что «должно быть» (концепция естественного права, либертарная теория права).

Восточную правовую систему можно также посмотреть через союз коммунизма и конфуцианства, где сочетаются методы воспитания и назидания [Ломакина, 2021, 22], в контексте коммунитаризма. Восточные стратифицированные государства правовую систему строят на моноцентризме (царя, хана, кагана), и артельном способе труда (орда в армии, артель на работе как коллективное творчество).

Если западники восток рассматривают как «ресурсную окраину передового мира», то Восток обвиняет Запад в навязывании вестернизации (теория «Плавильного котла»). Синтезом из представленных двух противопоставлений для Освальда Шпенглера в монографии «Закат Европы» и Вальтера фон Шубарта, в книге «Европа и душа Востока», являются их пророчества о грядущем расцвете цивилизации Востока [Шубарт, 2000, 2]. Философский контекст сочетается с политическим. МИД России объявил стратегический разворот на Восток [Соавченко, 2020, 114].

Для правителей имперской России, СССР и современной РФ ближе была и есть римская правовая система, утверждающая господство власти на государственных законах [Комаров, 2012, 253], однако для русского национального самосознания ближе комплементарные народы Востока, с их созерцательно-религиозным мировоззрением. Все философские школы задолго до античного запада родились в Индии. Все религии также родились на Востоке, но ангажированность болонской системы создала условия флюса, перекоса в сторону европейских ценностей.

Предлагаем задуматься над третьей евразийской правовой системой (научная новизна статьи), которая будет критичнее как к Востоку, так и к Западу, а, стало быть, значимее для национального самосознания.

Евразийство предполагает не столько обособление, сколько внимательное вслушивание в правовые «ритмы» Запада и Востока. Двухсоставная задача постижения Другого предполагает сохранение собственной идентичности. Сохранение памяти предков и преумножение внутреннего правопорядка дает основания легитимных решений принимать или отказываться в определенных условиях от складывающихся информационно-боевых действий идущей концентриальной войны.

Экспериментально воздействие «жесткой и «мягкой» силы доказано в лабораторных

условиях, когда лягушку помещали в жидкость и, в первом случае нагревали быстро, то лягушка рефлексировала и выпрыгивала из кастрюли. Во втором случае емкость нагревали медленно. Здесь лягушка адаптировалась к вновь и вновь утепляющей воде и, в конечном итоге – «смирненно» сваривалась.

В технологиях «мягкой» силы, применяемых к человеку, добавляются демонстративные долженствования. Призывы к патриотизму и просветительские денотаты постепенно превращаются в симулякры и ризомы. Человек в натиске информационных потоков и государственной машины давления не выдерживает конкуренции и вынужден приспособливаться под реальную действительность.

Не только человека или семью, но само государство с 70-х годов XX столетия стали «разваливать» под концентрированными технологиями. Формула «дозволено все, что не запрещено законом», превратилась во вседозволенность [Абалкин, 2010, 19]. Народ включился в процесс «обмана государства»! Рефлексируем: кто задавал вектор социально-политического развития? Не происходит ли данное действие и сегодня?

Применение «мягкой» силы может быть в двух дискурсах.

В первом случае речь идет о технологиях принуждающих действовать добровольно-принудительно в интересах правящего класса.

Во-вторых, «мягкий» метод может иметь положительный ресурс в противостоянии навязывания чужих и чуждых паттернов другими странами для превращения страны в оккупированную колонию.

Решением *внутренней* проблемы для России может быть поэтапный или скачкообразный переход от романо-германской к англосаксонской и далее к евразийской системе.

Романо-германская законодательно-правовая модель (или семья континентального права, кроме Англии) управление государством осуществляет через доминанту закона над прецедентом. Главная роль в формировании права отводится законодателю/монарху [Рассказов, 2014, 17].

Особенностью романо-германской модели является деление на частное (*jus privatum*) и публичное (*jus publicum*: конституционное, административное, финансово-налоговое, церковное и международное) право. Здесь наблюдается перекосяк в частное право, к которому относятся и те виды, которые явно должны относиться к публичному праву, а именно: международное (статутное), морское, воздушное, лесное и уголовное право. Такая классификация предполагает защиту интересов индивидуумов [Марченко, 2011, 343-344].

И хотя, в поиске справедливых, смысловых и аргументированных решений правоведа опираются не на букву, а на дух закона [там же, 375] виден шлейф давления со стороны государства по отношению к гражданам. Не случайно англосаксы говорили, что фашизм мог возникнуть только в Италии и Германии.

Англосаксонская законодательно-правовая модель ориентирована на общественный договор, закрепленный в Конституции. Анализ юриспруденции следует осуществлять через призму конституционализма [Раянов, 2015, 17] и правовое сознание граждан государства. Здесь устанавливается паритет между государством и обществом.

Евразийская законодательно-правовая модель в отличие от романо-германской системы не формировалась законодателем в своих (вечевых) истоках [Рассказов, 2014]. Однако, рецепция римского права, начиная с «Русской правды (XI в.), «Судебника» (1497 г.), «Соборного уложения (1649 г.), «Свода законов» (1832) [Щапов, 1987, 214] показывает вторжение извне концентрированных технологий, оказывающих прививку западом национального самосознания.

Торжество романо-германской законодательной системы до сего дня не позволяет возродить исконно русские традиции вечевого решения общественных проблем. Доминанта (приоритет) должна отдаваться не государству, а народу в его общинных формах общения (вече).

Идея евразийства сближается с англосаксонской государственностью в Записке императору Александру II, поданной Константином Аксаковым в паритете сильной государственной власти (этатизм) и свободного творчества народа.

Идея евразийства глубоко разработана философами и совсем не востребована политологами [Люкс, 2015, 121]. Настало время онтологически-созерцательные вопросы переложить на политический язык международных коммуникаций и экономических теорий.

Ассимиляция народов в «плавильном котле» приводит к утрате самоидентичности, уникальности и самобытности актора. С нарушением идентификационных процессов движения от ментальных внутренних процессов к социальному опыту личности совершается диссипация и аннигиляция общества. Целостная биосоциальная система становится неустойчивой и фрагментарно дробится по сценарию геополитиков, ведущих концентрические войны.

Отсюда политические вызовы рождают адекватный ответ евразийства.

Мы вынесли в название статьи тезис, где рассматриваем Евразийство в качестве технологии концентрической безопасности для России, но на самом деле евразийство вбирает в себя все континенты и Востока и Запада.

В.В. Путин объявил парадигму «Большой Евразии»¹ государственной стратегией. Идея Евразии консолидирует страны бывших братских республик. Казахстан совсем не относится к славянским народам, и, тем не менее, первым заявил об интеграции Казахстана, Белоруссии и России вокруг идеи евразийства². Османская Турция с XIX века, по мнению К.Н. Леонтьева [Леонтьев, 2010], взяла курс на евразийство как противостояние вестернизации. Китай, отвергающий глобальную гегемонию, поддерживает евразийство как продолжение идеи «пояса и пути».

«Евразийство институционализировано в рамках СНГ и ЕАЭС» [Вэй, 2021], и также как Китай не претендует на глобальную гегемонию. Здесь нет амбиций смены «зависимости от Запада на зависимость от русских» [Дугин, 2022, 145].

Решением *внешней* проблемы для России является проблема идентификации «государствообразующего народа» (ст.68 Конституции РФ, редакция 2020 г) для консолидации русской нации в противостоянии «коллективному Западу». «Признание России мононациональной, а не многонациональной – заменит слово многонациональная на государственность великороссов (русских) с братскими или коренными народами [Паин, 2004, 665].

По нашему мнению, положительный ресурс «мягкой» силы значительно питает «макрополитическое строительство» [Миненков, 2005, 47; Семенов, Лапкин, Пантин, 2010, 44], как стратегия консолидации, автаркичности, претензия на самобытность в «наднациональной интеграции» [Малинова, 2010, 98].

¹ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. Президент России, 17.06.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52178>

² Выступление Н.А. Назарбаева в МГУ им. М.В. Ломоносова 29 марта 1994 г. URL: <https://komitet.info/eurasian-integration/history/148/>

Заключение

Теория евразийства «разлита» в междисциплинарных, интегральных, концентриальных и цивилизационных подходах [Аубакирова, 2017]. Концепт имеет не только теоретическую, но, главным образом, практическую прикладную значимость.

Объект исследования международных отношений без возможного антитезиса или «обратной перспективы», где использование «умной силы» может привести к непредсказуемым последствиям, словно подверженные гипнозу, рванули в систему искусственного интеллекта с цифровой поднадзорностью.

В заданных реальных условиях для России не остается возможности не выбирать/выбирать. Вопрос стоит даже так, что следует не только парировать на новые санкции/технологии гибридной войны, но и задавать самим условия зависимости других стран от концентриальных технологий, разработанных в России.

Предмет исследования технологий концентриальной безопасности привел к пониманию возрождения теории евразийства, способной консолидировать вокруг себя страны Востока и Запада и, тем самым, обезопасить себя от натиска европейских держав.

Трудно сказать, как евразийство «выстрелит» в футурологической перспективе. Есть точка зрения, что Россия «не создаст собственный формат мягкой силы» [Матюхина, 2015, 100] для устранения внутренних компрадоров и противостояния технологиям искусственного интеллекта внешних сил. Вторая точка зрения (антитезис) заявляет о высоких амбициях, которые вывели страну на 26-е место в мире по использованию «мягкой силы» [Лукьянов, www; Мягкая сила..., www; Российско-китайские переговоры, www].

По мнению автора данной статьи, применение «мягкой» и тем более «жесткой» силы имеет временный эффект достижения цели как во внутренней, так и внешней политике, но в конечном итоге футурологическая перспектива в точке омега будет не созидательной, а энтропийной и потому плоды данной технологии будут осуждены, если человечество не найдет (а оно обязано найти) панацею для всего мира в обнаружении качественно целесообразной и, главным образом, надежной концентриальной системы безопасности человека, семьи, общества.

Перед глобальными проблемами выживания человечества, Россия должна искать свой национальный путь в евразийстве. Для выработки евразийского пути развития следует обратиться к теориям космизма (К. Циолковский, Н. Федоров), биосферизма (В. Вернадский), христианского социализма (С. Булгаков), теории многополярного мира (А. Дугин).

Библиография

1. Абалкин Л.И. Экономическая история СССР: очерки. М.: ИНФРА-М, 2007. 496 с.
2. Аубакирова И.У. Современная евразийская концепция государственного управления: теоретико-правовое исследование на материалах России и Казахстана. 2017. 388 с.
3. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
4. Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Ad Marginem, 2000. 317 с.
5. Выступление Н.А. Назарбаева в МГУ им. М.В. Ломоносова 29 марта 1994 г. URL: <https://komitet.info/eurasian-integration/history/148/>
6. Вэй Ч.Н. Евразийство: глобальные вызовы и новый миропорядок в политической философии А.Г. Дугина // Мировая политика. 2021. № 2. С.71-80. DOI: 10.25136/2409-8671.2021.2.36039
7. Дугин А.Г. Евразийство как незападная эпистема российских гуманитарных наук: интервью с Александром Гельевичем Дугиным, доктором политических наук, доктором социологических наук, профессором, лидером Международного Евразийского движения. Интервью провела М.А. Баранник // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 1. С. 142-152.

<https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-142-152>

8. Комаров С.А. Общая теория государства и права. СПб., 2012. С. 250-264.
9. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2010. 280 с.
10. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001. 332 с.
11. Ломакина И.Б. Политико-правовая традиция Востока: проблема понимания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (89). С. 17-25. doi: 10.35750/2071-8284-2021-1-17-25.
12. Лукьянов Ф. Не самая обаятельная и привлекательная. URL: www.globalaffairs.ru/global-processes/Myagkaya-sila-Rossii-chego-ne-khvataet
13. Люкс Л. Соблазны утопизма: споры мыслителей первой русской эмиграции о причинах и последствиях тоталитарных революций XX века. Айхштетт, 2015. Т. 2. 211 с.
14. Ма Бо. Стратегия России «Поворот на Восток»: возможности и вызовы для сопряжения с китайскими трансрегиональными проектами // Сравнительная политика. 2017. № 2. С. 82-97.
15. Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // ПОЛИС. 2010. № 2. С. 90-105.
16. Марченко М.Н. Сравнительное правоведение. М., 2011. 560 с.
17. Матюхина Е.Н. Сочетание жесткой и мягкой силы // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. 2015. № 1. С. 98-102.
18. Миненков Г.Я. Политика идентичности с точки зрения современной социальной теории // Политическая наука: Идентичность как фактор политики и предмет политической науки. М., 2005. С. 21-38.
19. «Мягкая сила»: ценности, которые определяют внешнюю политику России. Результаты выборов президента России 2018. URL: vibory-rf.ru/rezultaty-vyborov-prezidenta-rossii-2018
20. Паин Э. Новые административные реформы и их влияние на этнополитические процессы в России // Федерализм: российское и международное измерение (опыт сравнительного анализа). Казань: Казанский центр федерализма и публичной политики, 2004. С. 648-670.
21. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52178>
22. Рассказов Л.П. Романо-германская правовая семья: генезис, основные черты и важнейшие источники // Юристь – Правоведь. 2014. № 5 (66). С. 12-16.
23. Раянов Ф.М. Теория правового государства в России: состояние, пути переосмысления // Lex Russica. 2015. № 8. С. 14-25.
24. Российско-китайские переговоры. URL: www.kremlin.ru/events/president/news/57696
25. Савченко А.Е., Зуенко И.Ю. Движущие силы российского поворота на Восток // Сравнительная политика. 2020. № 1. С. 111-125.
26. Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития // ПОЛИС. 2010. № 3. С. 40-59.
27. Хабермас Ю. Религия, право и политика. Политическая справедливость в мультикультурном Мир-Обществе // ПОЛИС. 2010. № 2. С. 7-21.
28. Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: Эксмо, 2003. 480 с.
29. Щапов Я.Н. Римское право на Руси до XVI в. // Феодализм в России. М., 1987. С. 211-218.
30. Nye J. Soft Power. The Means to success on World Politics. N.Y.: Public Affairs Group, 2004. 191 p.

Eurasianism as a technology of conscientious security of Russia

Liu Jia

Postgraduate,
Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications,
Kazan Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: wwitty@yandex.ru

Abstract

The object of the study is international and domestic relations, in which those states that actively use "soft power" receive advantageous conditions. The subject of this study is the technologies of

"smart power" (consisting of "soft" and "hard" power), leading to a change in the identification of the population's self-awareness. An analysis of the "new" wars shows that today the strategy of "soft power" should not be used only as a "defensive" goal setting. It is pointless to parry the sanctions of the West with explanations of what has never been done. The offensive nature of political decisions consists of many components of engineering and technological, legislative and legal factors and the development of stratagem factors. The two-part task of comprehending the Other assumes: firstly, to study the culture of potential enemies/friends; secondly, to preserve their own identity through strengthening the memory of their ancestors and increasing the internal law and order. The scientific novelty of the study is presented in a new classification of legislative systems: 1) Western (Romano-Germanic and Anglo-Saxon); 2) Eastern (Muslim and socialist legal system of China); 3) Eurasian. Following other people's patterns in the discourse can mean dependence on the "smart power" of potential opponents. The course of state policy in the "fairway" of the matrix core of the Eurasian national identity sets the guidelines for conscientious security.

For citation

Liu Jia (2023) Evraziistvo kak tekhnologiya konsttsiential'noi bezopasnosti Rossii [Eurasianism as a technology of conscientious security of Russia]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 12 (5A-6A), pp. 23-31. DOI: 10.34670/AR.2023.41.43.001

Keywords

"Smart", "soft" and "hard" power technologies, conscientious war/security, identity, self-awareness, Romano-Germanic, Anglo-Saxon, Muslim, socialist and Eurasian legal systems.

References

1. «Myagkaya sila»: tsennosti, kotorye opredelyayut vneshnyuyu politiku Rossii. Rezul'taty vyborov prezidenta Rossii 2018 [“Soft power”: the values that determine Russian foreign policy. Results of the Russian presidential elections 2018]. Available at: vibory-rf.ru/rezultaty-vyborov-prezidenta-rossii-2018 [Accessed 06/06/2023]
2. Abalkin L.I. (2007) *Ekonomicheskaya istoriya SSSR: ocherki* [Economic history of the USSR: essays]. Moscow: INFRA-M Publ.
3. Aubakirova I.U. (2017) *Sovremennaya evraziiskaya kontseptsiya gosudarstvennogo upravleniya: teoretiko-pravovoe issledovanie na materialakh Rossii i Kazakhstana* [Modern Eurasian concept of public administration: theoretical and legal research based on materials from Russia and Kazakhstan].
4. Bauman Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. St. Petersburg: Piter Publ.
5. Baudrillard J. (2000) *Soblazn* [The Temptation]. Moscow: Ad Marginem Publ.
6. Dugin A.G. (2022) Evraziistvo kak nezapadnaya epistema rossiiskikh gumanitarnykh nauk: interv'yu s Aleksandrom Gel'evichem Duginym, doktorom politicheskikh nauk, doktorom sotsiologicheskikh nauk, professorom, liderom Mezhdunarodnogo Evraziiskogo dvizheniya. Interv'yu provela M.A. Barannik [Eurasianism as a non-Western episteme of Russian humanities: an interview with Alexander Gelievich Dugin, Doctor of Political Sciences, Doctor of Sociological Sciences, professor, leader of the International Eurasian Movement. Interview conducted by M.A. Barannik]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International relations], 22, 1, pp. 142-152. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-142-152>
7. Habermas J. (2010) Religiya, pravo i politika. Politicheskaya spravedlivost' v mul'tikul'turnom Mir-Obshchestve [Religion, law and politics. Political justice in a multicultural World-Society]. *POLIS*, 2, pp. 7-21.
8. Komarov S.A. (2012) *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava* [General theory of state and law]. St. Petersburg.
9. Leont'ev K.N. (2010) *Vizantizm i slavyanstvo* [Byzantium and Slavism]. Moscow: Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrya Publ.
10. Lipovetsky J. (2001) *Era pustoty. Esse o sovremennom individualizme* [Era of Emptiness. Essay on modern individualism]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ.

11. Lomakina I.B. (2021) Politiko-pravovaya traditsiya Vostoka: problema ponimaniya [Political and legal tradition of the East: the problem of understanding]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 1 (89), pp. 17-25. doi: 10.35750/2071-8284-2021-1-17-25.
12. Luk'yanov F. *Ne samaya obayatel'naya i privlekatel'naya* [Not the most charming and attractive]. Available at: www.globalaffairs.ru/global-processes/Myagkaya-sila-Rossii-chego-ne-khvataet [Accessed 06/06/2023]
13. Lux L. (2015) *Soblazny utopizma: spory myslitelei pervoi russkoi emigratsii o prichinakh i posledstviyakh totalitarnykh revolyutsii XX veka* [Temptations of utopianism: disputes between thinkers of the first Russian emigration about the causes and consequences of totalitarian revolutions of the twentieth century]. Eichstätt. Vol. 2.
14. Ma Bo (2017) Strategiya Rossii «Povorot na Vostok»: vozmozhnosti i vyzovy dlya sopryazheniya s kitaiskimi transregional'nymi proektami [Russia's "Turn to the East" strategy: opportunities and challenges for interfacing with Chinese transregional projects]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics], 2, pp. 82-97.
15. Malinova O.Yu. (2010) Simvolicheskaya politika i konstruirovaniye makropoliticheskoi identichnosti v postsovetsoi Rossii [Symbolic politics and the construction of macropolitical identity in post-Soviet Russia]. *POLIS*, 2, pp. 90-105.
16. Marchenko M.N. (2011) *Sravnitel'noe pravovedeniye* [Comparative Law]. Moscow.
17. Matyukhina E.N. (2015) Sochetaniye zhestkoi i myagkoi sily [A combination of hard and soft power]. *Izvestiya vuzov. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika* [News of universities. Sociology. Economics. Politics], 1, pp. 98-102.
18. Minenkov G.Ya. (2005) Politika identichnosti s tochki zreniya sovremennoi sotsial'noi teorii [Identity politics from the point of view of modern social theory]. In: *Politicheskaya nauka: Identichnost' kak faktor politiki i predmet politicheskoi nauki* [Political science: Identity as a factor of politics and the subject of political science]. Moscow.
19. Nye J. (2004) *Soft Power. The Means to success on World Politics*. N.Y.: Public Affairs Group.
20. Pain E. (2004) Novye administrativnye reformy i ikh vliyaniye na etnopoliticheskie protsessy v Rossii [New administrative reforms and their influence on ethno-political processes in Russia]. In: *Federalizm: rossiiskoe i mezhdunarodnoye izmereniye (opyt sravnitel'nogo analiza)* [Federalism: Russian and international dimensions (experience of comparative analysis)]. Kazan: Kazan Center for Federalism and Public Policy.
21. *Plenarnoe zasedaniye Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma* [Plenary session of the St. Petersburg International Economic Forum]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52178> [Accessed 06/06/2023]
22. Rasskazov L.P. (2014) Romano-germanskaya pravovaya sem'ya: genezis, osnovnyye cherty i vazhneyshie istochniki [Romano-Germanic legal family: genesis, main features and most important sources]. *Yurist – Pravoved* [Lawyer], 5 (66), pp. 12-16.
23. Rayanov F.M. (2015) Teoriya pravovogo gosudarstva v Rossii: sostoyaniye, puti pereosmysleniya [Theory of the rule of law in Russia: current state, ways of rethinking]. *Lex Russica*, 8, pp. 14-25.
24. *Rossiisko-kitaiskie peregovory* [Russian-Chinese negotiations]. Available at: www.kremlin.ru/events/president/news/57696 [Accessed 06/06/2023]
25. Savchenko A.E., Zuenko I.Yu. (2020) Dvizhushchie sily rossiiskogo povorota na Vostok [Driving forces of the Russian turn to the East]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics], 1, pp. 111-125.
26. Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. (2010) Identichnost' v sisteme koordinat mirovogo razvitiya [Identity in the coordinate system of world development]. *POLIS*, 3, pp. 40-59.
27. Shchapov Ya.N. (1987) Rimskoe pravo na Rusi do XVI v. [Roman law in Rus' until the 16th century]. In: *Feodalizm v Rossii* [Feudalism in Russia]. Moscow.
28. Schubart W. (2003) *Evropa i dusha Vostoka* [Europe and the soul of the East]. Moscow: Eksmo Publ.
29. *Vystupleniye N.A. Nazarbaeva v MGU im. M.V. Lomonosova 29 marta 1994 g.* [Speech by N.A. Nazarbayev at Moscow State University. M.V. Lomonosov March 29, 1994]. Available at: <https://komitet.info/eurasian-integration/history/148/>
30. Wei Ch.N. (2021) Evraziistvo: global'nye vyzovy i novyi miroporyadok v politicheskoi filosofii A.G. Dugina [Eurasianism: global challenges and a new world order in political philosophy of A.G. Dugin]. *Mirovaya politika* [World politics], 2, pp. 71-80. DOI: 10.25136/2409-8671.2021.2.36039